

Vergeles K. M., Ph.D., associate professor, Vinnitsa National Medical University named after M. I. Pirogov (Ukraine, Vinnitsa), kvergeles@gmail.com

The problem of the meaning of life and integrity of person

This article combines the two problems of man as a spiritual integrity – the meaning of life and achieve harmony – integrity. Present regarded as «split» rights, separation of spiritual and mental life of the flesh. Overcoming alienation of man is analyzed both in the secular and religious aspects. Highlight on two aspects of human problems – ontological and axiological. It is noted that the first approach is typical of Orthodox theology, and the second – to Protestantism. The first focuses on the inner person, the process of self-identification; the second – the man purely external.

Keywords: man, state, culture, religion, the meaning of life, integrity, dialectic, spirit, soul, body, values.

Вергелес К. Н., кандидат философських наук, доцент, Вінницький національний медичний університет ім. Н. І. Пирогова (Україна, Вінниця), kvergeles@gmail.com

Проблема смысла жизни и целостности человека

Сочетаются две проблемы становления человека как духовной целостности – смысла его жизни и достижения гармонии – целостности. Настоящее рассматривается как «раскол» человека, отделение ее духовно-душевной жизни от плоти. Преодоление отчуждения человека анализируется как в светском, так и религиозном аспектах. Выделены два аспекта по проблеме человека – онтологический и аксиологический. Отмечается, что первый подход является типичным для православного богословия, а второй – для протестантизма. Первый концентрирует внимание на внутреннем человеке, на процессах самоидентификации; то второй – на человеке сугубо внешнем.

Ключевые слова: человек, государство, культура, религия, смысл жизни, целостность, диалектика, дух, душа, тело, ценности.

* * *

УДК 130.2

Петренко Д. В.,
кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры теории культуры и философии науки,
Харьковский национальный университет
им. В. Н. Каразина (Украина, Харьков),
Dmitrypetrenko@yandex.ua

ДИСПОЗИТИВЫ МЕДИА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рассмотрено философско-антропологические рефлексии соотношения власти и медиа. Цель статьи – исследование артикуляций человека и медиа в контексте различных стратегий власти / знания. Данное исследование также поможет обозначить особенности артикуляции «медиа/власти» в современных философских и научных концепциях. В статье используется два метода исследования темы «человек и диспозитивы медиа»: реконструкционный и имманентно-критический.

Исследование философских концепций XX – начала XXI веков позволяет выделить взаимосвязь воздействий на медиа стратегии власти и знания (также в смысле М. Фуко и Д. Агамбена ее можно назвать диспозитив). Данная стратегия ставит своей задачей нейтральное воспроизведение артикуляций медиа и их антропологических аспектов. Обозначенные исследовательские стратегии требуют пересмотра концептуальных актуализаций медиа-технологий, которые некритически используются в теоретических исследованиях гуманитарных и социальных наук, обращающихся к изучению тем «медиа и человек», «медиа и коммуникация», «медиа и власть».

Ключевые слова: диспозитив, антропология, медиа, человек, власть, знание.

(статья друкється мовою оригіналу)

Современная философская антропология, несмотря на определенный кризис философии человека в конце XX века, все чаще обращается к осмыслению соотношения человека и медиа. Одним из наиболее актуальных направлений подобных философских исследований является анализ человека и медиа в контексте властных отношений. В рамках описательного этапа философско-антропологического исследования медиа одним из наименее разработанных является понятие диспозитив, которое может стать удобным инструментом для схватывания разнообразных линий, конструирующих представления о связке медиа с так

называемыми культурой, обществом, человеком, что составляет несомненную актуальность для современных философских рефлексий темы «медиа и человек». Важно отметить, что для фиксационной антропологии медиа данная связка принимается как некое устоявшееся положение вещей, изначальная и незыблемая данность, – интенция, наиболее ярко проявляющаяся в различных направлениях исследований медиавливания. В то время как для трансверсальной антропологии медиа-фиксация положения вещей неотъемлема от его же конструирования, основанного в свою очередь на процедуре исключения незначимых или просто невидимых в оптике доминирующего знания элементов. И здесь, несомненно, важным является тезис Фуко о неизбежности связки такого конструирования со стратегиями власти и знания. Т.е. мы никогда не имеем дело с медиакультурой, медиасообществом, медиалиянием – все эти имена не только инструменты описания медиареальности, а, прежде всего, инструменты ее конструирования и в тоже время инструменты диспозитива, соединяющего знание о медиареальности и власть, сливающуюся с этим знанием. Цель статьи – философское осмысление связи власти и медиа, что позволит критически пересмотреть как многие традиционные концепции антропологии медиа, так и базовые для многих теорий медиа установки на неизбежную взаимообусловленность медиа и коммуникации. В дальнейшем данные концептуальные разработки позволят уже локально реконструировать конфигурации знания и власти, в которых проявляется книгопечатание, кинематографическое воспроизведение, сетевые взаимодействия.

Впервые мыслить конфигурации знания и власти при помощи понятия диспозитив предложил М. Фуко. У французского философа сложно найти строгое определение этого понятия, как пишет Фуко, «То, что я пытаюсь проследить под этим именем, это, прежде всего, абсолютно гетерогенный комплекс, ... сказанное, как и несказанное – таковы элементы диспозитива. Сам диспозитив – это сеть установленная между данными элементами. Диспозитив всегда вписывается во властные манипуляции. Но он же постоянно привязан к одному или многим пределам знания, рождающимся из них и, в той же степени, их обуславливающим. Это и есть диспозитив: стратегии соотношения сил, поддерживающие типы знания и поддерживаемые ими» [9, р. 299–300]. Согласно Фуко, диспозитив создается пересечением знания и власти. Важно отметить, что понимание власти у Фуко максимально расширено и не связано исключительно с аппаратами государства, что обусловлено кризисом марксизма конца 1960–х годов.

Соединяя власть со знанием, Фуко показывает, что любая попытка описания и самоописания «реальности» культурной, социальной, политической всегда является ее же конструированием, которое также становится сугольным векторам властных отношений. Если у Л. Альтюссера власть еще действовала через аппараты государства, интерпеллирующие индивида и превращающие его в субъекта, то мысль Фуко позволяет соотнести власть с любой формой артикуляции, которая реализуется через знание. Комментируя фукоидальное понимание власти Д. Агамбен приходит к выводу: «Обобщая после всего уже сказанного обширный список диспозитивов Фуко, я назвал бы диспозитивом любую вещь, обладающую

способностью захватывать, ориентировать, определять, пресекать, моделировать, контролировать и гарантировать поведение, жесты, мнения и дискурсы живых людей. Не только тюрьмы, психбольницы, паноптикумы, школы, исповедь, фабрики, дисциплина, юридические постановления, соприкосновение которых с властью в определенном смысле очевидно, но и письменные принадлежности, письмо, компьютеры, сотовые телефоны...» [1, с. 26]. Концептуальный жест Агамбена позволяет расширить использование понятия диспозитив, в том числе и на исследования медиа, что, в общем-то, допускается и трактовкой слова *dispositif* во французском языке, которая кроме юридического и военного значения допускает также и технологическое: способ расположения частей механизма, и, в широком смысле, сам механизм [6, с. 344]. Французский теоретик кино Ж. Л. Бодри в статье «Идеологические эффекты, производимые базисным кинематографическим аппаратом» соединяет техническое значение слова диспозитив с описанием процесса конструирования субъективности кинозрителя: «Организация (*la disposition*) разных элементов – проектора, темного зала, экрана – кроме того, что воспроизводит удивительным образом мизансцену Платоновской пещеры (прототип всякой трансценденции и топологическая модель идеализма), также реконструирует диспозитив (*le dispositif*) необходимый для реализации «стадии зеркала», которую открыл Лакан» [8, р. 7].

Таким образом, понятие диспозитив в медиа-антропологических исследованиях может использоваться, по крайней мере, в двух значениях:

- 1) сеть отношений между элементами, конституируемая связкой знания и власти;
- 2) стратегические конфигурации знания и власти, открываемые, формируемые и воспроизводимые медиа-технологией.

Второе определение, конечно же, значительно сужает тот исследовательский потенциал, который был предан понятию диспозитив в философии Фуко и Агамбена, но, тем не менее, делает его удобным оператором описательного этапа медиаантропологического исследования.

Что же обнаруживает это описание? Прежде всего, неизбежную погруженность описываемого элемента в разнородные конфигурации власти. Несомненно, медиа-технологии всегда служили важным инструментом власти, и большинство линий фиксационной медиаантропологии принимают это положение как неизменную догму. Но, описывая эффекты медиаавливания, подобные исследования принимают определенное сплетение диспозитивов и производимое ими понимание человеческого за неизбежную и безальтернативную данность, в то время как для трансверсальной антропологии любая данность – это лишь конструкт, сформированный диспозитивами, возникший в определенный период и занимающий позицию гегемона, который исключает любые подрывающие стратегии власти различия и артикуляции человеческого.

Если использовать концептуальный язык Делеза, то можно сказать, что описательный этап медиаантропологического исследования тщательно реконструирует реактивные силы. Именную двойку активные/реактивные силы Делез вводит в ранней работе «Ницше и философия». Эта двойка становится как значимым методологическим инструментом довольно-таки нестандартного прочтения философии

Ницше, так и определенным концептуальным решением, направляющим философию Делеза вплоть до важнейшей для последних трудов мыслителя именной двойки виртуальное/актуальное. Также в этой работе впервые Делез переинтерпретирует ницшеанское понятие силы, которое позже станет столь значимым для постструктуралистов, использующих его в контексте поисков нового концептуально аппарата, который мог бы противостоять как традиционному антропоцентризму, так и лингвоцентризму структуралистов и позволил бы описывать внедискурсивные феномены. Как пишет философ, «Становление – реактивностью силы, нигилистическое становление – вот что выглядит существенно включенным в отношении силы к силе» [4, с. 147]. Активные силы противопоставляются реактивным, но, как пишет Делез, реактивные силы «отделяют активную силу от ее возможностей; они часто и почти полностью вычитают из активной силы ее мощь. Продолав все это, они не становятся активными, но, напротив, устраивают дело так, что активная сила присоединяется к ним, сама становится реактивной в новом смысле, когда реактивные силы отделяют ее от ее возможностей» [4, с. 134]. В своих последующих философских работах Делез будет под разными именами описывать реактивные силы: структура, тождественное, молярное, актуальное, в то же время, открывая возможность и для регистрации активных сил.

Активное / реактивное, как справедливо отметил Бадью, является у Делеза не оппозицией, а именной двойкой [2, с. 49], так как при определенных обстоятельствах активное становится реактивным. Данная именная двойка позволяет обозначить векторы медиа-исследования. Используя язык Делеза можно сказать, что фиксационная медиаантропология изначально строится на принятии реактивных сил как данности и исключении возможности мысли о силах активных. Описывая историческое или настоящее со-отношение человека и медиа такого рода философская антропология не допускает мысли о том, что новые медиа-технологии могут формировать очаги сопротивления власти, так как и медиа, и человек здесь не могут мыслиться вне доминирующих диспозитивов, принимаемых как неизбежная данность. Если внимательно проанализировать даже некоторые более гибкие направления фиксационной медиаантропологии, которые некоторое время рассматривали, например, интернет-технологии как инструмент освобождения человека, необходимо констатировать, что все они так или иначе признали свое поражение, которое с самого начала было обусловлено используемым ими устаревшим и дискредитированным «реактивным» понятийным аппаратом: личность, свобода, глобализация. Одной из реактивных стратегий, приведших к данной ситуации, является соотношение имени медиа с именем коммуникация. Более того, часто в философских исследованиях преобладает установка, соотносящая медиа исключительно с коммуникацией.

Само понятие коммуникация долгое время претендовало на особый статус в описании ситуации второй половины XX начала XXI века. В самой этимологии слова коммуникация соединились значения передача, сообщение, связывание (от лат. *communicatio* – сообщение, передача и лат. *communicare* – связывать, делать общим), что определяло различные задачи имени коммуникация от философских школ диалога до всевозможных теорий информации – маркировать

интерсубъективное взаимодействие и ретрансляцию образов и знаков. Теории коммуникации к началу XXI века прошли серьезную трансформацию: от теологической по своей сути веры в передачу неизменного трансцендентного смысла (Г. Ласуэлл) до исследования материальных факторов коммуникации (Х.–У. Гумбрехт, Ф. Киттлер), от описания односторонней трансляции линейного сообщения аудитории (К. Шенон, Г. Малецки) до анализа оппозиционного кода блокирующего одностороннее приятие сообщения гетерогенной аудиторией (Р. Вильямс, С. Холл, Р. Хоггарт). Особую значимость дискуссиям о коммуникации XX века предавало осмысление ее в контексте медиа–технологий, отсюда устоявшееся словосочетание средство массовой коммуникации, долгое время являющееся единственным указателем к пониманию медиа. Конечно, более серьезная проработка концепта медиа привела к определенному переосмыслению значимости коммуникации, что можно увидеть уже Н. Лумана, который выступает с критикой понимания коммуникации исключительно как переноса информации, разрабатывая теорию медиа–коммуникации в рамках исследования социальных систем [5, с.8]. Более радикальную позицию занимает Р. Дебрэ, определяя коммуникацию как эпистемологическое препятствие для исследования медиа [3, с. 15] так как «коммуникация представляет собой момент более длительного процесса и фрагмент более обширного множества» [3, с. 15–16] и в более резкой формулировке «коммуникация стала идеологией. Она подпитывает мифологии вслушивания, прозрачности и взаимопонимания, необходимой для смазки экономических двигателей» [3, с. 327]. С позиций трансверсальной медиаантропологии имя коммуникация обозначает определенную конфигурацию диспозитивов. Так, например, в философии Ю. Хабермаса не критическое использование понятия коммуникация приводит к апологии рационально взаимодействующих субъектов, обладающих коммуникативной компетенцией и способностью к интересубъективному герменевтическому пониманию, как на предикативном, так и на иллюкативном уровне [7, с. 20–21]. Выработываемый коммуникативным разумом, столь искомый мыслью философа, консенсус является не более чем маскировкой гегемонных стратегий диспозитива, скрывающихся за благообразными акторами философского театра Хабермаса: рациональным субъектом и коммуникативным взаимодействием.

Исследования, делающие ставку исключительно на коммуникации, бессознательно включают в игры власти и знания, актуализирующиеся в мифологиях различных фигур, которые репрезентируют различные позиции свершаемых коммуникативных актов: автономных субъектов, понимающих друг друга, адресата и адресанта, соотносящихся или не соотносящихся друг с другом и прочих. Присутствующую и сегодня во многих теориях коммуникаций наивную веру в безальтернативность подобной описательной модели по–делезянски можно назвать триумфом реактивных сил, которые, утвердив гегемонию понимания медиа исключительно через коммуникации, исключают иные возможности мысли о медиа, находящиеся вне фиксации конъюнктуры ситуации. Описательный этап медиаантропологического исследования необходим, прежде всего, для определения очертаний реактивных сил, в то время как фиксационная медиаантропология, как правило, принимает догму

коммуникации как единственно существующую данность, послушно повторяя риторику реакции.

Но если диспозитивы могут быть распознаны как воплощение реактивных сил, то возникает ряд вопросов подобных тем, которые Делез адресует, прежде всего, к философии Ницше: «мы можем задать вопросом о том почему, почему мы чувствуем и осознаем лишь становление–реактивностью? Почему становление реактивностью для человека конститутивно?» [4, с. 147] и главный вопрос: «Возможно ли для человека другая чувствительность и другое становление?» [4, с. 147]. Переформулируя последний вопрос трансверсальная медиаантропология в отличие от фиксационной вопрошает: как можно помылить активные силы, подрывающие гегемонию диспозитивов, или более конкретно: как помылить эффекты медиадискоммуникации, открывающие новые артикуляции человеческого? Ответы на эти вопросы требуют дальнейших исследований взаимодействия диспозитивов, медиа и человека.

Список использованных источников

1. Агамбен Д. Что такое диспозитив? / Джорджо Агамбен [пер. с итал. А. Соколовски] // Агамбен Д. Что современно? – К.: Дух і Літера, 2012. – С.13–44.
2. Бадью А. Делез. Шум бытия / Ален Бадью [пер. с фр. Д. Скопина]. – М.: Прагматика культуры, Логос–Альтера, 2004. – 184 с.
3. Дебрэ Р. Введение в медиологию / Режи Дебрэ [пер. с фр. Б. Скуратов]. – М.: Праксис, 2010. – 368 с.
4. Делез Ж. Ницше и философия / Жиль Делез [пер. с фр. О. Хома]. – М.: Ад маргинем, 2003. – 382 с.
5. Луман Н. Медиа коммуникации / Никлас Луман [пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров]. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
6. Новый французско–русский словарь. Составители: Гак В., Ганшина К. – М.: Русский язык, 1998. – 1174 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас [пер. с нем. Д. Складнев]. – СПб.: Наука, 2001. – 377 с.
8. Baudry J.–L. Effets idéologiques produits par l'appareil de base / Jean–Louis Baudry / Cinématique. – 1970. – №7–8. – P.1–8.
9. Foucault M. Dits et écrits, 1954–1988. Tome III / Michel Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – 834 p.

References

1. Agamben D. Chto takoe dispozitiv? / Dzhordzho Agamben [per. s ital. A. Sokolovskiy] // Agamben D. Chto sovremenno? – K.: Duh i Litera, 2012. – S.13–44.
2. Badyu A. Delez. Shum byitiya / Alen Badyu [per. s fr. D. Skopina]. – M.: Pragmatika kul'turyi, Logos–Altera, 2004. – 184 s.
3. Debre R. Vvedenie v mediologiyu / Rezhi Debre [per. s fr. B. Skuratov]. – M.: Praksis, 2010. – 368 s.
4. Delez Zh. Nitshe i filosofiya / Zhil Delez [per. s fr. O. Homa]. – M.: Ad marginem, 2003. – 382 s.
5. Luman N. Media kommunikatsii / Niklas Luman [per. s nem. A. Gluhov, O. Nikiforov]. – M.: Logos, 2005. – 280 s.
6. Novyyiy frantsuzsko–russkiy slovar. Sostaviteli: Gak V., Ganshina K. – M.: Russkiy yazyik, 1998. – 1174 s.
7. Habermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie / Yurgen Habermas [per. s nem. D. Sklyadnev]. – Spb.: Nauka, 2001. – 377 s.
8. Baudry J.–L. Effets idéologiques produits par l'appareil de base / Jean–Louis Baudry // Cinématique. – 1970. – №7–8. – P.1–8.
9. Foucault M. Dits et écrits, 1954–1988. Tome III / Michel Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – 834 p.

Petrenko D. V., Ph.D. Associate Professor Theory of Culture and Philosophy of Science Department V. N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine, Kharkiv), Dmitry.petrenko@yandex.ua

The dispositive of media: philosophical and anthropological researching

The article deals with the examination of philosophical reflections as to the interrelation of a power and media. The purpose of article is to research the articulation aspects of various directions in philosophy of human and media in the

context of power / knowledge. The presented research will also help to designate the particular qualities of the articulation of «media/power» in the modern philosophical and scientific conceptions. Philosophical anthropology allows allocating of two methods for researching the subject «a man and dispositive of media». The first method is a reconstruction one. The second method is an immanent–critical one.

Therefore, in the philosophical anthropology of the second half of the XX century – the beginning of the XXI century the articulation of dispositive is used in two senses: 1) a network of relationships; 2) a fixation for power / knowledge. The specified methods are apply not only in various philosophical conceptions, but also in theoretical research of humanitarian and social sciences, which deal with the studies of the subject «a media and power», «a media and communication».

Keywords: dispositive, anthropology, media, human, power, knowledge.

Петренко Д. В., кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри теорії культури і філософії науки,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна
(Україна, Харків), Dmitryurenko@yandex.ua

Диспозитивні медіа: філософсько-антропологічне дослідження

Розглянуто філософсько-антропологічні рефлексії співвідношення влади і медіа. Мета статті – дослідження артикуляції людини і медіа в контексті різних стратегій влади / знання. Означене дослідження також допоможе осмислити особливості артикуляції «медіа/влади» в сучасних філософських і наукових концепціях. У статті використовуються два методи дослідження теми «людина і диспозитивні медіа»: реконструкційний і іманентно-критичний.

Дослідження філософських концепцій XX – початку XXI століття дозволяють виділити взаємозв'язок впливів на медіа стратегії влади і знання (також в смислі М. Фуко і Д. Агамбена її можна назвати диспозитив). Ця стратегія ставить своїм завданням нейтральне відтворення артикуляції медіа і їх антропологічних аспектів. Позначені дослідницькі стратегії вимагають перегляду концептуальних актуалізацій медіа-технологій, які некритично використовуються в теоретичних дослідженнях гуманітарних і соціальних наук, що звертаються до вивчення тем «медіа і людина», «медіа і комунікація», «медіа і влада».

Ключові слова: диспозитив, антропологія, медіа, людина, влада, знання.

* * *

УДК 316

Дубинина В. А.,
кандидат філософських наук, старший
преподаватель кафедри філософії, соціально-
політичних і правових наук, Донбасский
государственный педагогический университет
(Україна, Славянск), vera.dubinina777@gmail.com

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Показано, как процесс глобализации влияет на человека, его личность. Доказано, что со временем развитие глобализации привело к существенным изменениям в обществе и в самом человеке.

Проблема исследования состоит в том, что в социально-философском смысле современный процесс глобализации выступает как вопрос о сущности современного человека, об уровне его сознания, о специфике его идеалов и конечных целей. Однако ядром процесса глобализации выступает современный человек, его духовные основы.

Целью исследования является теоретико-методологические основы исследования феномена человека в контексте глобализационных преобразований.

Результатом исследования стали выводы о том, что новое общество должно развиваться не по принципу потребительского владения, а по принципу гуманистического бытия. Воспитание духовного человека, который ценит и отстаивает идеалы добра, достоинства, ответственности, истины являются наиболее актуальными задачами на этапе глобализации.

Ключевые слова: человек, глобализация, антиглобализм, духовность, цивилизация.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Тема глобализации на сегодня чрезвычайно актуальна. Это объясняется тем, что современное мировое общество значительно изменилось. В конце XX – начале XXI века человеческое сообщество вступило на качественно новый этап развития, основной характеристикой которого является коренное изменение абсолютно всех сторон бытия и рост глобальных кризисов. Эти процессы в науке известны как глобализация, то есть, процесс формирования информационного общества и постиндустриального

мира. Соответственно, сегодня высказываются самые противоречивые оценки происходящего и предлагаются различные возможные направления дальнейшего развития мировой цивилизации.

Итак, представить и осмыслить современную картину мира легче всего именно как процесс глобализации. В технологической и экономической сферах этот процесс можно охарактеризовать бурным формированием техногенной культуры, глобальной системы производства и торговли и ярко выраженного потребительского образа жизни. Политическая же глобализация характеризуется распространением западных демократических и либеральных ценностей.

В нарастании процессов глобализации решающую роль сыграли наиболее важные политические события конца XX – начала XXI в., особенно крах мировой социалистической системы, распад СССР, Югославии, «бархатные» революции в восточнославянских странах.

Заметим, что поражение социализма привело к ликвидации биполярного мира, что значительно расширило пространство, в котором впоследствии и возникли относительно однотипные социально-экономические отношения. Поэтому в современных мировых сообществах наблюдается стойкая тенденция к глобализации социального бытия и его разнообразных проявлений в политической, экономической и культурной сферах. И если человечество хочет и в дальнейшем развиваться и экономически процветать, оно должно платить определенную цену, в данном случае – отказаться от так называемой модели национального государства, а также, вопреки собственному суверенитету согласиться на многочисленные уступки, задевающие этническую и национальную самобытность страны, даже поступиться некоторыми морально-духовным принципам. Понятно, что такая тенденция влияет на бытие человека, его духовность и будущее. А от «глобального» человека зависит будущее развитие «глобального» общества.

Представители Римского клуба, среди которых такие известные личности, как Р. Вайцзеккер, Д. Меддоуз, М. Месарович, Д. Форрестер и другие были среди тех, кто впервые озвучил мысль о необходимости признания, прежде всего, паритета духовных идеалов и ценностей, которые могли бы помочь современной цивилизации предотвратить возможные глобальные проблемы и формировать будущее. Значительный вклад в исследование феномена глобализации внесли и работы таких ученых, как З. Бжезинский, З. Бауман, И. Уоллерстайн, У. Робертсон, Д. Розенау, К. Лейн, М. Арчер, Л. Склер, У. Бек, Д. Стиглиц, В. Воронкова, В. Лях, В. Табачковский, М. Степико, И. Степаненко, В. Шинкарук, В. Воловик, В. Бех, М. Надольный, В. Андрущенко, Г. Ковадло и др.

Становление основных философских и общенаучных предпосылок к процессам глобализации произошло в 70–е годы XX века. Причем, сам термин «глобализация» имеет множество смысловых значений и концепционных подходов и получил широкое распространение.

Существующая полисемантическая взглядов на этот феномен указывает, по мнению М. Чешкова, на кризис глобализации как науки, до сих пор не обнаружившей ни предмет, ни субъект своего исследования, в связи с чем открытым остается и вопрос о самой сущности глобализации. Оживленные дискуссии продолжаются и